

УДК 94(571.53)»192»
ББК 63.3(253.5)613

В.А. ИЛЬИНЫХ

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПРИАНГАРЬЯ В 1920-е ГОДЫ

Анализируются основные тенденции социально-экономического развития иркутской деревни в 1921–1929 гг. Установлено, что высокий уровень налогообложения крестьянства региона вызвал сельскохозяйственный кризис. Восстановление сельского хозяйства на основе нэпа началось в 1924 г. Свертывание нэпа привело к замедлению темпов развития аграрной экономики и рецессии.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, крестьянство, нэп, Восточная Сибирь.

V.A. ILYINIYKH

AGRARIAN POLICY AND AGRICULTURE OF CIS-ANGARA IN THE 1920s

The article analyzes trends of socioeconomic development of the villages in the Irkutsk region in 1921–1929. The author comes to conclusion

that the high level of taxation of the Irkutsk peasants led to the agricultural crisis. The reconstruction of agriculture based on the New Economic Policy (NEP) began in 1924. The abolishment of NEP resulted in a slowdown in the growth rate of agricultural economy and recession.

Keywords: agriculture, agrarian policy, peasantry, NEP, Eastern Siberia.

Анализ развития сельского хозяйства и его отраслей относится к числу базовых задач аграрной историографии. Ее решение имеет принципиальное значение для определения результативности проводимых государством аграрных преобразований. В современных условиях одной из наиболее общественно значимых историографических проблем остается исследование основных тенденций развития аграрного сектора экономики в условиях нэпа. Изучение данной темы в масштабах всей страны невозможно без реконструкции динамики сельхозпроизводства в отдельных регионах. В настоящей работе в качестве объекта анализа избрано Приангарье. Его аграрное развитие в 1920-е гг. изучено недостаточно.

Термин Приангарье в настоящее время используется для обозначения территории Иркутской области. В исследуемый период административно-территориальное деление избранного региона неоднократно изменялось. До июня 1926 г. географические рамки работы включают Иркутскую губернию¹, с июня 1926 г. по июнь 1929 г. — Иркутский, Киренский и Тулунский округа, а после упразднения последнего — Иркутский и Киренский округа. Перечисленные изменения административно-территориального деления учитываются при анализе динамики развития сельского хозяйства.

Широко развернувшееся крестьянское повстанческое движение, в том числе и на территории Иркутской губернии, создавшее реальную угрозу существованию советской власти, вынудило большевистский режим весной 1921 г. отказаться от практики «военного коммунизма» и перейти к осуществлению новой экономической политики. Первым шагом нэпа стало решение X съезда РКП(б) о замене разверстки продналогом. Однако в связи с тяжелым продовольственным положением в стране взимание продрозверстки в Сибири было временно продолжено. 14 марта 1921 г. Сиббюро ЦК направило в адрес Иркутского губкома циркуляр с требованием заготовить по продрозверстке еще 0,5 млн пуд. хлебопродуктов. Руководство губернии, учитывая критическое положение в деревне, заявило о невозможности выполнения указанного задания. В ответ на это Сиббюро ЦК 29 марта приняло решение прекратить разверстку в Иркутской губернии и разрешило на ее территории свободный обмен, продажу и покупку хлеба [12, с. 97].

Взамен хлебной, масляной, яичной, сенной и т.п. разверсток в 1921 г. вводились соответствующие виды натуральных налогов. Остав-

¹ Административные границы Иркутской губернии также неоднократно менялись.

шимися после уплаты налогов излишками сельхозпродукции крестьянин мог распоряжаться свободно, используя их для улучшения своего хозяйства или для продажи. Однако во время первой продналоговой кампании, несмотря на то, что хлебный налог более чем на треть был меньше разверстки, излишков у иркутских крестьян фактически не оставалось. Причины этого заключались в том, что для сдачи разверстки, помимо сбора 1920 г., они использовали нереализованные остатки как минимум двух предыдущих урожаев. На уплату же продналога шел только сбор с уменьшившегося по сравнению с предыдущим периодом посева 1921 г. В результате сумма всех видов продналога в расчете на десятину посева оказалась в губернии не ниже, а выше разверстки. В связи с нежеланием сельских жителей добровольно поставлять сельхозпродукцию в счет сверхобременительного налога прежними оставались и методы его взимания. К декабрю 1921 г. к судебной ответственности было привлечено около 1700 неисправных плательщиков [13, с. 13].

Переобложение Иркутской губернии, последствия Первой мировой и Гражданской войн вызвали полномасштабный сельскохозяйственный кризис. По данным Сибзема, в 1922 г. посевная площадь в губернии снизилась по сравнению с 1920 г. на 21 %, поголовье рабочих лошадей — на 14 %, крупного рогатого скота (КРС) — на 35 %, свиней — на 15, овец — на 22 %. Площадь посева в 1922 г. по сравнению с 1917 г. составляла 60 %, поголовье лошадей — 76 %, КРС — 55 %, свиней — 50 %, овец — 64 %¹ [3, д. 746, л. 26; 6, л. 40об.; 14, с. 42]. Ухудшились качественные показатели сельхозпроизводства. Ценные товарные продовольственные культуры заменялись малоценными, имеющими исключительно потребительский характер. В 1922 г. площадь посева крупяных культур на территории губернии увеличилась по сравнению с 1920 г. на 36,7 %, тогда как посевы ржи снизились за это время на 13,2 %, а овса — на 23,3 %² [11, с. 101]. Усилилось засорение полей. Износился сельхозинвентарь. Уменьшилась продуктивность сельскохозяйственных животных. В деревне не хватало самого элементарного — соли, спичек, обуви, кожаных изделий, тканей.

Ситуация резко ухудшилась в связи с неурожаем 1922 г. в ряде районов губернии. В отчете губкома РКП(б) VIII губпартконференции сообщалось, что крестьянство недородных районов «переживает уже сейчас (весной 1923 г. — В. И.) в полной мере голод. Хозяйства в большинстве разоряются, часть скота съедена, и если губернии не придет помощь в виде семян и необходимого инвентаря, эти районы ожидает полное разорение» [14, с. 18].

¹ Рассчитано в границах 1922 г., включая территорию Бурят-Монгольской АО.

² Рассчитано в границах 1925 г. без территорий, вошедших в состав Бурят-Монгольской АССР.

В связи с тяжелым положением весной 1923 г. иркутским крестьянам была оказана помощь семенами, благодаря которой удалось несколько увеличить (на 2 %) площадь посева¹ [6, л. 40 об.]. Выросло поголовье коров, овец, коз и свиней, а лошадей и КРС — сократилось [11, с. 111]. Осенью в губернии собрали относительно высокий урожай. Улучшению ситуации способствовало и значительное (почти на 2/3) снижение налогообложения деревни. Единый сельскохозяйственный налог 1923/24 г. в Иркутской губернии, первой в Сибири, стал взиматься исключительно в денежной форме.

Однако в силу практического отсутствия у крестьян денег и неразвитости торгово-закупочной инфраструктуры переход от натурального налога к денежному вызвал резкое снижение цен на сельскохозяйственную продукцию. Крестьяне, нуждающиеся в деньгах для уплаты налога, были вынуждены продавать произведенное продовольствие и сырье за бесценок. Это происходило на фоне существенного роста цен на промтовары. Чтобы поддержать едва начавшиеся восстановительные процессы и предотвратить новое сползание к кризису, местные власти предприняли ряд мер для улучшения ситуации, основным из которых было развертывание государственно-кооперативной торгово-закупочной сети.

Переломным в сельском хозяйстве Иркутской губернии стал 1924 г. Площадь посева в этом году увеличилась на 14 %. Вырос валовой сбор зерновых. Увеличилось поголовье рабочего и продуктивного скота. Восстановительные процессы были продолжены и в последующие годы. В 1926 г. на территории губернии пашни засеяли на 12 % больше, чем в 1924 г. Более высокими темпами наращивалось производство наиболее товарной культуры — пшеницы. Ее доля в общей площади полевого посева выросла за 2 года с 40,9 до 52,5 %. Удельный вес основной потребительской культуры — ржи — сократился с 22,6 до 12,6 %. В животноводстве прирост поголовья продуктивного скота, напротив, был достигнут в основном за счет увеличения стада мелкого рогатого скота (+46 %) и свиней (+31 %), выращивание которых имело преимущественно потребительский характер. Поголовье КРС увеличилось на 13 %, а численность коров сократилась на 1,5 %² [11, с. 112, 113, 120; 16, с. 36–37].

Одним из факторов роста сельскохозяйственного производства явилась организация государственной помощи крестьянству. В 1924 г. возобновилось регулярное снабжение деревни сельскохозяйственным инвентарем и машинами, расширилось землеустроительное, агрономическое и зооветеринарное обслуживание, существенно возросло кредитование селян. Сумма кредитов, направленная в этом году в иркутскую деревню, составляла 564 тыс. р., а объем семенной ссуды — 230 тыс. пудов

¹ Рассчитано в границах 1922 г.

² Рассчитано в границах 1925 г.

(в 1923 г. — соответственно 277 тыс. р. и 71 тыс. пудов). Восстанавливалась и развивалась сельскохозяйственная кооперация. Если в начале 1923 г. в губернии числилось 26 сельскохозяйственных и кредитных товариществ (из них реально работало лишь 4), то в конце 1925 г. количество низовых кредитных кооперативов достигло 87. Они объединяли 32 тыс. крестьянских дворов. Налаживалось товароснабжение деревни, осуществляемое через постоянно растущую сеть потребительской кооперации. В октябре 1925 г. в Иркутском и Тулунском райпотребсоюзах насчитывалось 113 потребительских обществ, в октябре 1926 г. — 145 [3, д. 1681, л. 13, 120; 9, с. 183, 299; 15, с. 29].

В 1925 г. в ходе практического осуществления курса РКП(б) «Лицом к деревне» был проведен ряд дополнительных мероприятий, отвечающих интересам крестьянства. С целью стимулирования роста товарности крестьянских хозяйств расширились законодательные рамки применения найма рабочей силы и аренды земли. Снизилось налогообложение деревни. По Иркутской губернии сумма сельхозналога 1925/26 г. почти на 2/5 была ниже предыдущего. Стимулом для увеличения производства стала проведенная в конце зимы — весной 1925 г. либерализация хлебозаготовительного рынка, когда были фактически «отпущены» закупочные цены на хлеб. В результате рост среднезаготовительных цен по Иркутской губернии в марте 1925 г. составил по сравнению с осенне-зимним периодом на пшеницу 14–19 %, на рожь 42–50 % [7, л. 321].

Отмечая эффективность государственной поддержки крестьянства, следует иметь в виду, что ее масштабы в иркутской деревне существенно уступали аналогичным показателям в более сельскохозяйственно-развитых районах Сибирского края. Кроме того, начиная с 1926 г., стал применяться так называемый «классовый подход», в соответствии с которым помощь со стороны государства в первую очередь предоставлялась беднякам, затем середнякам, зажиточные же слои от нее постепенно отлучались и, более того, ставились под возрастающий налоговый пресс. Так, если в 1925/26 г. средние размеры налога на одно бедняцкое, середняцкое и зажиточное хозяйство соотносились как 1:4,5:12,3; то в 1926/27 г. — 1:10,4:30,3 [8, с. 100]. «Классовый подход» проявился и в кооперативной политике. Партийно-советские структуры вели постоянную борьбу по недопущению в руководящие органы кооперации зажиточных крестьян. Низовые кооперативы и кооперативная сеть в целом лишались самостоятельности и попадали под жесткий контроль партийных и государственных органов.

Ужесточилась позиция государства и в области регулирования аграрного рынка. Вновь была восстановлена практика жесткого регулирования заготовительных цен на сельхозпродукцию. Искусственное сдерживание закупочных цен на хлеб на низком уровне в 1925/26 г. вызвало соответствующую реакцию крестьянства, более зажиточная

часть которого сократила объемы продажи хлеба государственным и кооперативным заготовителям. В результате выполнение годового плана централизованного хлебозакупа по Иркутской губернии составило 92 %. Всего в этом году у крестьян было закуплено 3,7 млн пуд. зерна. Еще менее удачными были заготовки в следующем году. Государственные и кооперативные заготовительные организации закупили в Иркутском и Тулунском округах 3,2 млн пуд. хлебопродуктов [4, л. 77; 1].

Осенью 1927 г. в большинстве зернопроизводящих регионов страны начался острый хлебозаготовительный кризис, затронувший и Приангарье. На 1 января 1928 г. выполнение годового заготовительного задания по Иркутскому округу составило 12 %, по Тулунскому — 14 % [10, с. 210]. Основной причиной сдерживания реализации зерна со стороны крестьянства по-прежнему был низкий уровень закупочных цен. Однако вместо того, чтобы их поднять, власти решили стимулировать сдачу хлеба с помощью репрессий. Наиболее зажиточные держатели хлебопродуктов привлекались к уголовной ответственности по ст. 107 УК РСФСР за спекуляцию. Таким образом, фактически отменялись основополагающий принцип нэпа — свобода распоряжения крестьянами излишками произведенной продукции. На 1 марта 1928 г. по Иркутскому округу по ст. 107 УК РСФСР были осуждены 6 «спекулянтов» и 91 «кулак». Кроме того, к судебной ответственности «за саботаж» хлебозаготовок и других государственных заданий было привлечено около 1/3 председателей сельсоветов. Несмотря на сравнительно небольшие масштабы репрессий, они произвели на деревню устрашающее воздействие. Хлебосдача в конце января–феврале 1928 г. резко увеличилась. В Тулунском округе во второй декаде января заготовки составили 81,8 тыс. пудов, в третьей — 128,2 тыс., в первой декаде февраля — 139,8 тыс., во второй — 232 тыс. пудов [5, д. 80, л. 143; д. 81, л. 53–58]. Всего за кампанию 1927/28 г. в Иркутском и Тулунском округах заготовили 5,3 млн пудов хлебопродуктов [13, с. 210].

Помимо нажима в сфере хлебозаготовок усилилось финансовое давление на деревню. Значительно увеличившийся налог (за счет обложения неземледельческих доходов его сумма по Усть-Кутскому району Киренского округа увеличилась на 170 %) взимался в крайне сжатые сроки. В принудительном порядке стали изыматься страховые платежи, самообложение и займы. Все это вызывало протест даже у бедноты. В политсводке Киренского окрисполкома за июль–сентябрь 1928 г. приводилось следующее высказывание бедняка Антипина из Чечуйского района: «И когда эта власть поправится. Берут, берут с нас и все у них нет». Что же касается более зажиточных крестьян, то они «испытывали прямое желание изжить существующий строй» [5, д. 80, л. 3, 8].

В 1928/29 г. нажим на более зажиточные слои деревни усилился еще больше. В этом году были введены надбавки к налогу на зажиточные

хозяйства (до 25 %) и осуществлен переход к индивидуальному обложению «кулаков». Началось принудительное лишение крестьян земельных наделов за систематическое использование найма, сокращение посевов, антисоветскую агитацию. Ужесточились правила найма рабочей силы и аренды земли. Весной 1929 г. государство фактически восстановило продразверстку, названную на сей раз «урало-сибирским методом». В соответствии с этим методом план хлебозаготовок доводился в начале до села, а затем непосредственно до двора. При этом до 65 % сельского плана разверстывалось на зажиточных крестьян («твердое задание»). В случае неисполнения разверстки в срок они обязывались оплатить стоимость несданного хлеба в кратном размере (как правило пятикратном). На 30 мая 1929 г. по Иркутскому округу к кратному обложению было привлечено 566 хозяйств. Масштабы репрессий в сфере хлебозаготовок значительно возросли в кампанию 1929/30 г. До конца декабря 1929 г. по Иркутскому округу твердое задание по хлебозаготовкам получили 6360 крестьянских хозяйств. К пятикратному обложению в итоге было привлечено 958 хозяйств. 292 сельских жителя были осуждены по «хлебозаготовительным» статьям УК РСФСР (ст. 107 и ст. 61), из них 101 — приговорены к высылке [2, оп. 2, д. 3509, л. 211, 212, 364об.; оп. 5а, д. 49, л. 22].

Результатом аграрной политики конца 1920-х гг. стало фактическое прекращение поступательного движения сельской экономики. Прирост посевных площадей в 1929 г. по сравнению с 1928 г. по Иркутскому округу составил 3,9 %; поголовье КРС и свиней уменьшилось на 6,4 %, а овец и коз — осталось неизменным¹. В Киренском округе произошло сокращение площади посева на 1,5 %, поголовья КРС — на 9,7 %, свиней — на 20,4 % [17, с. 273, 284]. Особенно пострадали зажиточные крестьяне, которые были либо фактически «раскулачены» властями, либо «самораскулачивались» — сокращали размеры своего хозяйства, а то и распродавали его и бежали из деревни. Однако вместо восстановления нэповских принципов и прекращения давления на деревню, что позволили бы существенно оздоровить ситуацию, правящий режим приступил к ускоренной коллективизации сельского хозяйства, а по существу к ликвидации класса крестьянства как такового.

Список использованной литературы и источников

1. Бюллетень Новосибирской товарной биржи. — 1927. — 6 нояб.
2. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). — Ф. П-2.
3. ГАО. — Ф. Р-1. — Оп. 1.
4. ГАО. — Ф. Р-12. — Оп. 1. — Д. 6.
5. ГАО. — Ф. Р-47. — Оп. 5.
6. ГАО. — Ф. Р-1180. — Оп. 1. — Д. 128.

¹ Рассчитано в границах конца 1929 г. включая территории упраздненного Тулунского округа, вошедшие в Иркутский округ.

7. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 374. — Оп. 14. — Д. 145.
8. Гуцин Н. Я. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е — середина 1930-х гг. / Н. Я. Гуцин, В. А. Ильиных. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1987. — 336 с.
9. Иванов Б. В. Осуществление ленинского кооперативного плана в Сибири (1920–1927 гг.) / Б. В. Иванов. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. — 342 с.
10. Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка в условиях нэпа (1921–1928 гг.) / В. А. Ильиных. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. — 284 с.
11. Ильиных В. А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. / В. А. Ильиных, Г. А. Ноздрин; Ин-т истории СО РАН. — Новосибирск : б.и., 2007. — 170 с.
12. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) / отв. ред. Н. Я. Гуцин. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1983. — 390 с.
13. Коммунист (Иркутск). — 1921. — № 13.
14. Коммунист. — 1922. — № 2.
15. Коммунист. — 1923. — № 2.
16. Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. — Новосибирск : Сибкрайстатотдел, 1927. — Вып. 1 : Сельское хозяйство. — 476 с.
17. Сибирский край : стат. справ. Новосибирск : б.и., 1930. — 804 с.

Информация об авторе

Ильиных Владимир Андреевич — заведующий сектором аграрной истории, Институт истории Сибирского отделения РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: agro_iwa@mail.ru.

Author

Vladimir A. Ilinykh — Head of the Agrarian History Sector, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, e-mail: agro_iwa@mail.ru.